

како подобает крестьяном жити» — там же, стр. 66). Но, с другой стороны, убеждая, что и богатство может быть «на добро», «Слово Иоанна Златоустаго о богатых и немилостивых» прямо говорит: «Не глаголю убо на богатых, иже в нем добре живут, но тыя укоряю, иже богатство имеющаа, в скупости живут... Иное бо богатство добре сбрано, добрым трудом, а иное есть златолюбие злое и неправедное богатство». Именно это «слово» рисует яркий образ скупого богача, который скорее согласится, «своих мяс урезав, иному подати или нищему, нежели в клетех лежащаго богатства» (там же, стр. 76—77). Судьба такого скупца изображается в «Слове Иоанна Златоустаго о мятежи жизни человеческия». ²⁰ Но жизнь показывала, что «добро» богатство наживается редко, поэтому гораздо чаще поучения обличают разные виды насилия, какими оно добывается, и осуждают пороки, рождающиеся вместе с стремлением к богатству: жадность, злобу, скупость, зависть. В изображении этих пороков, «неправедного» поведения «богатых немилостивых» поучения Измарагда достигают большой убедительности, психологической точности, реалистичности бытовых подробностей. ²¹ И поучения дают общий совет: «Руци согбени имей на неправеднаго богатства собрание, простерты же на приятие убогих», которым раздаётся «имение» («Слово некоего отца к сыну» — там же, стр. 60). С этим советом русский читатель был знаком уже по Изборнику 1076 г., где собрание «неправедного богатства» названо «събърианием зълааго имения света сего» (Изборник, стр. 167).

Если богатство, добытое «своею силою», т. е. трудом и притом «с правдою», есть «благо у милостива человека», то оно же становится злом, когда приобретает «неправдой» и насилием. «Слово Иоанна Златоустаго о берущия много имения» обличает: «Имения дея свободныя человеки порабощают и продают. Богатии мысляю разстаются — должнии печалию увядают. Златолюбди на судище часто ходят... друг на друга лжу и клятву скончевают». Автор прибегает к конкретному образу, чтобы представить наглядно «несытость» такого богача: «Возмуцают бо ся воды и паки уставляются; возвевают ветры и паки утишают; возгорится огнь и паки угаснет. А человек, иже мятется о имении своем, никогда не почиет собирая: у инога зрит и неправдами желает собрати и души си погубит, жада я имения» (В. А. Яковлев, стр. 245). ²²

Измарагд не скрывает классовой розни в окружающей читателя действительности. В «Слове о желании богатства» читаем: «Не мощно убогу с богатым дружбы держати, яко же волку с агнцем. Слепый с хрымым не имата в борзости теши, тако и убогому с богатым держати дружбы. Яко же бремена чрез силу несть мощно нести, тако и с креплейшими себе и богатыми дружбы водити. Кое бо приобщение горньцю с котлом, так и убогу с богатым пря имети, яко бо горнец, убогий сокрушится, а богатый, обиду сотворив, и еще прогневается. Богатый, обиду сотворив соблазвившуся, то мнози помощьници ему, а убогому толко от бога помощь, а от человека несть. Мерзость гордому смирение, яко же и богатому убогий.

²⁰ См. об этом подробнее: В. П. Адрианова-Перетц. К вопросу об изображении «внутреннего человека» в русской литературе XI—XIV веков. — В кн.: Вопросы изучения русской литературы XI—XX веков. М.—Л., 1958, стр. 21—22.

²¹ Подробнее об изображении носителей этих пороков см.: В. П. Адрианова-Перетц. Человек в религиозно-дидактических жанрах древнерусской литературы. — ТОДРА, т. XXVII, Л., 1972, стр. 3—68.

²² Даже самая щедрая милостыня от такого богача негодна богу. Эту точку зрения впоследствии выдвигал Нил Сорский, запрещая монастырям брать жертвуемые земли: эти земли, писал он, часто приобретаются «по насилию от чужих трудов», а такие жертвы не «на пользу».